

Собрание сочинений

**Том 2. Вооруженные силы России. Наш военный
вопрос. Восточный вопрос**

УДК 93
ББК 63.3
С54

С54 Собрание сочинений: Том 2. Вооруженные силы России. Наш военный вопрос. Восточный вопрос / – М.: Книга по Требо-
ванию, 2014. – 586 с.

ISBN 978-5-458-09806-9

Собрание сочинений Р.А. Фадеева. Том 2. Вооруженные силы России. Наш военный вопрос. Восточный вопрос.

ISBN 978-5-458-09806-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

Вступленіе.

Въ настоящую минуту Европа приняла болѣе воинственный видъ, чѣмъ было когда-нибудь со времени окончанія великихъ наполеоновскихъ войнъ. Главная, по крайней мѣрѣ наиболѣе бросающаяся въ глаза, забота большихъ европейскихъ государствъ состоитъ теперь въ пересмотрѣ своихъ военныхъ учреждений, въ расширеніи кадровъ армій, чтобы вмѣстить въ нихъ наибольшую силу при переходѣ на военное положеніе, въ усовершенствованіи вооруженія. Каждое государство боится остаться позади другихъ. Забота эта всеобщая. Она достаточно объясняется нынѣшнимъ состояніемъ міра. На нашихъ глазахъ перевершаются почти всѣ прежнія, установившіяся отношенія между народами, замѣняются новыми, изъ которыхъ ни одно не окрѣпло еще достаточно, чтобы считаться рѣшеннымъ дѣломъ; чѣмъ слабѣе привычныя связи, тѣмъ больше мѣста произволу и силѣ. Въ такую минуту каждому самостоятельному народу приходится оглянуться на себя, сравнить свои силы, естественныя и выработанныя, съ силами сосѣдей, внимательно рассмотреть, не остается ли что-нибудь сдѣлать въ этомъ отношеніи, и въ то же время безпристрастно взвѣсить собственное заключеніе о себѣ и сравнить его съ дѣйствительностію. Въ такихъ важныхъ обстоятельствахъ провѣрка сужденій, сдѣлавшихся болѣе или менѣе общепринятыми, становится необходимымъ возмужалому обществу.

Въ сущности, каждый международный вопросъ есть вопросъ о силѣ; мирное и военное разрѣшеніе его составляютъ двѣ степени напряженія одного и того же дѣйствія. Когда неравенство силы очевидно, тогда уступаютъ безъ боя, если возможно

приличнымъ образомъ; иначе вступаютъ въ бой. Въ международныхъ отношеніяхъ желать чего-нибудь значитъ признавать въ себѣ силу добитьсяжелаемаго. Дипломатія составляетъ въ сущности не иное что, какъ безсрочные переговоры между народными силами, между арміями, во главѣ которыхъ стоятъ ихъ правительства. Дипломатія—это форма, часто искусство пользоваться своею дѣйствительною силой, не напрягая ея; безъ силы дипломатія будетъ празднымъ разговоромъ—краснорѣчіемъ ганноверскихъ уполномоченныхъ передъ графомъ Бисмаркомъ. Разумѣется, сила человѣческихъ обществъ не измѣряется однимъ перечисленіемъ штыковъ и пушекъ, или что то же, населеній и доходовъ. Тѣмъ не менѣе, сумма нравственнаго, политическаго и матеріальнаго могущества народовъ не только должна опредѣлять мѣру ихъ желаній, но на дѣлѣ всегда опредѣляетъ ее. Невозможнаго нечего и желать.

Часто однакожь общество имѣетъ смутное понятіе о своемъ народномъ могуществѣ, понятіе, основанное на случайныхъ обстоятельствахъ, изъ которыхъ поторопились вывести обманчивыя заключенія; а между тѣмъ общественное настроеніе, даже въ абсолютныхъ государствахъ, имѣетъ великое вліяніе на рѣшенія политики. Пруссія вышла на войну въ 1806 году и чуть не погибла, вслѣдствіе того, что была ложно увѣрена въ превосходствѣ своей арміи, на основаніи давно минувшихъ побѣдъ Фридриха Великаго, когда все уже измѣнилось кругомъ. Въ 1866 году совершилось совсѣмъ обратное. Нѣтъ сомнѣнія, что большинство прусскаго общества боялось послѣдствій затѣи Бисмарка, что Пруссія не вѣрила въ себя и была вовлечена въ войну вопреки своему желанію, только отчаянно рѣшительнымъ характеромъ своего министра. Хотя прусская армія выказалась въ гораздо лучшемъ свѣтѣ, чѣмъ отъ нея ждали, тѣмъ не менѣе успѣхъ ея въ домашней нѣмецкой войнѣ объясняется на половину такими случайными и мѣстными обстоятельствами, что выводить изъ него заключеніе относительно внѣшней войны было бы слишкомъ преждевременно. Но теперь новый оборотъ медали. Послѣ побѣды прусское общество чересчуръ возмнило о себѣ, готово натолкнуть свое правительство на самыя рискованныя предпріятія, и можетъ жестоко за то поплатиться. Мы также видѣли на своемъ вѣку, у себя дома, и притомъ два раза, ошибочное настроеніе, основанное на невѣрной оцѣнкѣ своихъ средствъ, и настроеніе это, каждый

разъ приводило къ послѣдствіямъ очевидно невыгоднымъ. Въ первый разъ, когда передъ восточною войной мы собирались закидать в аг въ шапками, не принимая въ соображеніе того, что каковы бы ни были народныя силы Россіи, на эти силы можно было полагаться только при должной организаціи ихъ; военная же организація того времени отличалась тѣмъ свойствомъ, что обременяла государство въ мирное время непомернымъ количествомъ войскъ, оказывавшимся недостаточнымъ для военнаго; вновь формируемыя части не годились для открытаго боя, а дѣйствующихъ войскъ не могло достать для того, чтобы сдерживать союзниковъ съ моря и серьезно грозить имъ съ сухопутной границы—единственное средство достигнуть успѣха. Конечно, общественное мнѣніе тогда мало значило, но еслибы русское общество понимало, до какой степени наше военное (надо прибавить и гражданское) устройство того времени было недостаточно для такого громаднаго предпріятія, какъ восточная война, мнѣніе его произвело бы нѣкоторое дѣйствіе. Другой примѣръ еще болѣе поучителенъ. Неудача восточной войны вселила въ русское общество полнѣйшее недовѣріе къ собственной силѣ, длившееся много лѣтъ, слышное по временамъ даже теперь; конечно, нынѣшніе австрійцы, дѣйствительно разбитые на-голову, болѣе увѣрены въ себѣ, чѣмъ были увѣрены мы послѣ 1856 года. Послушавъ что тогда говорилось въ публикѣ почти поголовно, можно было выдумать, что мы представляемъ собой Китай послѣ перваго его столкновенія съ англичанами, разоблачившаго внезапно безсиліе Небесной Имперіи. Между тѣмъ, странное дѣло, восточная война произвела совершенно обратное впечатлѣніе въ Европѣ; понимающіе люди стали думать о насъ выше послѣ Севастополя, чѣмъ думали прежде, они увидѣли Россію ближе и поняли громадность ея естественныхъ силъ.

Вліяніе этого легкомысленнаго разочарованія, хотя неуловимое, было, къ сожалѣнію, слишкомъ дѣйствительно и десять лѣтъ тяготѣло надъ внѣшнимъ положеніемъ Россіи, надъ самыми существенными ея международными интересами. Было бы ребячествомъ надѣяться успѣховъ отъ дипломатіи, не поддержанной достаточною увѣренностію общества въ народной силѣ. Дипломатія всегда можетъ сказать: дайте мнѣ увѣренность въ силѣ, я разовью ее въ дипломатическіе успѣхи. Въ подобныхъ вещахъ нельзя ссылаться на правительство. Въ

томъ и состоитъ безконечное превосходство законнаго, установленнаго, вѣковаго правительства надъ случайнымъ и революціоннымъ, что оно составляетъ не партію и всегда проникнуто духомъ среды, надъ которою стоитъ; если ему случается по нѣкоторымъ вопросамъ разнo съ ней думать, то оно всегда и безъ исключенія одинаково съ ней чувствуетъ.

Изъ приведенныхъ примѣровъ можно вывести заключенія по крайней мѣрѣ относительно вѣрныя: 1) мнѣніе народа о своемъ могуществѣ имѣетъ великое вліяніе на ходъ его политическихъ дѣлъ; 2) мнѣніе это нерѣдко бываетъ чрезвычайно легкомысленнымъ и неосновательнымъ, а послѣдствія заблужденія тяжко ложатся на судьбу государства.

Между тѣмъ вообще принимается, что даже основные военные вопросы составляютъ спеціальность, что они могутъ оставаться чуждыми обществу. А когда приходитъ минута выразить свое мнѣніе о войнѣ и мирѣ, взвѣсить средства для успѣха, будьте увѣрены, что изъ десяти военныхъ, считаемыхъ лучшими судьями въ этомъ дѣлѣ, девять повторяютъ мнѣніе общественной среды, въ которой живутъ. Такимъ образомъ общество, обыкновенно чуждое военныхъ вопросовъ, не знающее основательно ни состоянія вооруженныхъ государственныхъ силъ, ни отношенія ихъ къ задумываемой борьбѣ, въ важныхъ случаяхъ становится въ значительной степени судьей и рѣшителемъ этихъ самыхъ вопросовъ.

Освободиться отъ вліянія общественнаго мнѣнія въ подобныхъ вещахъ дѣло невозможное и вовсе не желательное. Если мнѣніе вліяетъ въ вещахъ второстепенныхъ, какъ же обойти его въ вопросѣ быть или не быть, возникающемъ съ каждою серіозною войной. Является дилемма по наружности безвыходная: исторія доказываетъ, что общественное мнѣніе бываетъ часто крайне легкомысленно въ вопросахъ войны и мира, а между тѣмъ вліяніе его по необходимости сильно, иногда неотразимо. Очевидно, тутъ кроется какое-нибудь громадное недоразумѣніе. По моему понятію, это недоразумѣніе заключается въ слѣдующемъ. Безъ сомнѣнія, военное дѣло составляетъ спеціальность, но въ такомъ же смыслѣ какъ спеціальность инженеровъ, строящихъ желѣзныя дороги. Люди, наилучше понимающіе нужды страны въ распредѣленіи желѣзныхъ путей, часто не имѣютъ никакого понятія объ инженерномъ искусствѣ. Что было бы, еслибъ единственными судьями въ этомъ

дѣлѣ оставались инженеры-техники? Они занялись бы искусствомъ для искусства, настроили бы множество дорогъ замѣчательныхъ по исполненію, по преодолѣннымъ трудностямъ, но бесполезныхъ для страны. То же самое оказывается и въ военномъ устройствѣ государства. Образование арміи есть, конечно, дѣло военной спеціальности, какъ постройка желѣзной дороги есть дѣло спеціальности инженерной. Техникъ имѣетъ полное право представить свои возраженія противъ направленія предполагаемаго пути, вслѣдствіе мѣстныхъ затрудненій, которыя онъ можетъ оцѣнить лучше другаго; но возраженія его могутъ имѣть предметомъ только то, чтобы дать другое очертаніе дорогѣ, обойти препятствія изгибами, а не то, чтобы перекинуть ее въ другую сторону, строить ее не на Кіевъ, а на Воронежъ. Отъ системы, положенной въ основаніе военного устройства, зависитъ прямо степень могущества государства, а вслѣдствіе того и международная политика, сквозь которую это могущество сквозитъ во всемя, какъ цвѣтная подкладка черезъ кисею. Между тѣмъ превосходство военного устройства происходитъ главнѣйше отъ его соотвѣтственности съ общественнымъ складомъ, можно сказать, отъ его безискусственности, ненатянутости, отъ того на сколько вѣрно вооруженныя силы націи представляютъ ея дѣйствительныя, живыя силы и ея общественныя отношенія, во всей ихъ естественности. Съ перваго взгляда видно, на сколько легче дать окончательное устройство силамъ, которыя сами складываются въ готовую форму, чѣмъ биться надъ устройствомъ искусственнымъ, которое требуетъ столько труда и времени и потому уже не можетъ расширяться по произволу. Если же правда, что вооруженныя силы націи должны быть вѣрнымъ воспроизведеніемъ ея самой, то правда и то, что вопросъ объ основаніи военной системы становится вопросомъ о самой націи, о ея духовныхъ и матеріальныхъ основахъ, то-есть обращается въ вопросъ политическій и входитъ въ область общественнаго сознанія, какъ его неотъемлемое право и потребность. Вездѣ и всегда общество чувствовало, если не вполне ясно сознавало, эту истину, и никогда не считало чуждыми себѣ вопросовъ такой коренной важности, хотя мало было подготовлено къ ихъ правильному обсужденію. Выходило то, что оно чаще рѣшало ихъ страстію, чѣмъ разумомъ.

Нынѣшній вѣкъ, передѣлавшій столько людскихъ понятій, распространившій въ народномъ сознаніи столько прежнихъ спеціальностей, оказалъ свое вліяніе и въ этомъ отношеніи. Въ Англии, Германіи и Франціи, особенно во Франціи, основныя понятія о военномъ дѣлѣ и о военной статистикѣ стали общимъ достояніемъ. Теперь рѣдко уже можно встрѣтить француза, который не имѣлъ бы о военномъ дѣлѣ (конечно не въ его спеціальностяхъ) столь же опредѣленнаго понятія, какъ о другихъ популярныхъ предметахъ жизни и науки. Во Франціи былъ бы смѣшонъ статскій (по русскому выраженію), наивно не понимающій самыхъ простыхъ вещей, относящихся къ арміи и войнѣ. Не даромъ нѣкоторыя изъ самыхъ замѣчательныхъ вещей, писанныхъ въ новой Франціи по частямъ военно-сухопутной и военно-морской, писаны двумя статскими, Тьеромъ и Луи Рейбо. Эта вульгаризація военныхъ понятій въ обществѣ составляетъ одну изъ великихъ силъ Франціи, даетъ ей замѣтное превосходство въ Европѣ. Франція смотритъ на военныя событія и на политику, подготовляющую войну, не слѣпыми глазами, какъ многіе другіе; она совершенно хорошо понимаетъ свои шансы, и слова «популярность или непопулярность» какого-нибудь предпріятія означаютъ тамъ не одно увлеченіе страсти или предразсудка (хоть безъ страстей въ такомъ случаѣ конечно не обходится), но оцѣнку, до известной степени вѣрную, силъ, препятствій и цѣлей. Военные люди не имѣютъ во Франціи характера жрецовъ Изиды, они не могутъ слишкомъ увлекаться самомнѣніемъ, принадлежностію всякаго, не контролируемаго спеціалиста; они, конечно, первые и главные судьи, но которыхъ въ свою очередь судить общество. Одобреніе его придаетъ мѣрамъ военнаго министерства, иногда невыгоднымъ для финансовъ, нравственную силу, сопровождающую общественныя реформы, необходимость которыхъ признана. Могущество государства отъ того не проигрываетъ.

Хотя пониманіе военнаго дѣла менѣе развито въ обществахъ Англии и Германіи, но и тамъ оно распространено не сравненно болѣе, чѣмъ у насъ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что общественное мнѣніе этихъ странъ не разочаровалось бы въ силахъ націи по поводу войны подобной восточной, не приняло бы оплошности, выкупленной такимъ развитіемъ могущества, за безсиліе и не напустило бы на себя скромности побѣжденныхъ китайцевъ, отличавшей наши рѣчи

въ продолженіи десяти лѣтъ. Такое странное явленіе было возможно только въ обществѣ, въ которомъ не считается до сихъ поръ невѣжествомъ для образованнаго человѣка не знать, изъ какого числа полковъ состоитъ армія его отечества, какія производятся въ ней преобразованія, каково отношеніе ея силъ къ силамъ другихъ народовъ и такъ далѣе. И за границей этимъ вещамъ не учатъ въ гражданскихъ школахъ, но всѣ ихъ знаютъ и тѣмъ уже обезпечиваются отъ слишкомъ несообразныхъ заключеній. Если не каждый гражданинъ тамъ Тьеръ или Рейбо, за то общество въ массѣ достаточно понимаетъ вещи, необходимыя для уразумѣнія національнаго могущества, чтобы не принимать бѣлаго за черное.

Русское общество должно перевоспитать себя въ этомъ отношеніи, иначе оно никогда не будетъ судьей своихъ собственныхъ дѣлъ, останется чуждымъ своей современной исторіи. Средства къ тому открыты, занавѣсъ, за которою совершались всѣ распоряженія военнаго вѣдомства, поднята. Пониманіе условій, на которыхъ основано могущество отечества, теперь прямо уже зависитъ отъ степени вниманія русскаго общества къ своимъ собственнымъ дѣламъ.

Всѣми признано, что въ жизни человѣческихъ обществъ не бываетъ крупныхъ явленій совершенно случайныхъ, такихъ явленій, которыя не исходили бы изъ главнаго источника—народнаго духа и исторической судьбы государства. Но не всѣ еще, кажется, пришли къ заключенію, что подъ это общее правило подходятъ также различные виды устройства военныхъ силъ, существующіе въ томъ или другомъ государствѣ; что это устройство вовсе не произвольное, что оно необходимо обусловлено какъ общественнымъ складомъ, такъ и географическимъ положеніемъ государства. Между тѣмъ существующія въ разныхъ государствахъ системы военной организаціи выражаютъ до такой степени вѣрно настоящую минуту ихъ жизни, что ее можно было бы возстановить въ исторіи по однимъ даннымъ военной статистики; вездѣ основанія, на которыхъ зиждется военная система, лежатъ глубже, чѣмъ въ личной волѣ правительства. Объемъ вооруженій опредѣляется не какимъ-либо государствомъ, взятымъ одиночно, но всею суммой государствъ, составляющихъ образованный міръ, то-есть духомъ проживаемой эпохи,—также и общественнымъ складомъ народа, который правители не могутъ передѣлать по произволу. Самая

организація и духъ войскъ почти всегда еще менѣе зависятъ отъ правительства, чѣмъ даже объемъ вооруженій; въ нихъ выражаются съ математическою вѣрностью, установленныя исторіей отношенія общественныхъ классовъ, степень полноправности, усвоенной гражданамъ различныхъ состояній, и всѣ обычаи страны, особенно отношеніе взрослыхъ сыновей къ семьѣ, которое вездѣ вліяетъ сильнѣйшимъ образомъ на установленіе той или другой системы рекрутскаго набора. Изъ этихъ двухъ условій, вовсе не произвольныхъ, — количества войскъ и ихъ внутренней національной организаціи, истекаетъ все остальное — пропорція силъ мирнаго времени къ военному, отношеніе разныхъ оружій между собою, система производства и распредѣленія командованій, даже, въ значительной степени, боевой уставъ, котораго придерживается войско. Примѣровъ нечего искать, каждое европейское государство будетъ подходящимъ примѣромъ.

Вотъ Англія, немного уступающая населеніемъ Франціи и много превосходящая ее богатствомъ. Въ настоящее время это государство отличается крайне мирнымъ настроеніемъ. Но въ началѣ столѣтія, когда ея общественное устройство еще не выказывало своихъ крайнихъ послѣдствій, Англія вовсе не была миролюбива и вела гигантскую борьбу противъ Франціи и всей подчиненной ей Европы. Правительство и общество были за одно и напрягали всѣ средства, чтобы выставить противъ Наполеона возможно значительныя силы. Кажется, при такомъ населеніи и такомъ богатствѣ, Англія могла бы вооружить огромную армію; однакожь нѣтъ, гражданское устройство ея не позволяло ей того; дѣйствующая англійская армія, безъ союзниковъ, никогда не превышала пятидесяти тысячъ солдатъ. Несмотря на все желаніе, роль Англіи въ континентальныхъ войнахъ была всегда лишь второстепенная. Всякій знаетъ, какимъ образомъ неприкосновенность личности, воспитанная аристократическими учрежденіями Англіи, распространенная понемногу на каждого англичанина, заставляеть это государство набирать свое войско исключительно, вольною вербовкой, въ самой низкой черни. Эта система набора, краеугольный камень военнаго могущества Англіи, обусловливаетъ все остальное. Переходъ съ мирнаго положенія на военное, удваивающій и устраивающій европейскія арміи, не можетъ имѣть тамъ такого значенія, какъ на материкѣ; тамъ, напротивъ того, люди,

охотно вербующіеся въ мирное время, не идутъ въ службу въ виду предстоящихъ опасностей и лишеній, и такимъ образомъ источникъ пополненія не возрастаетъ, но изсякаетъ для англійской арміи съ приближеніемъ войны. Та же самая причина заставляетъ удерживать англійскаго солдата, сколь можно долѣе, подъ знаменемъ. Прежде онъ служилъ всю жизнь; теперь срокъ сокращенъ, но его вербуютъ почти всегда на дальнѣйшіе сроки. Составъ англійской арміи, набранной изъ бездомной черни, преимущественно изъ пропащихъ людей, налагаетъ на нее, ей только свойственный характеръ. Англійскій солдатъ — *илотъ*, котораго никакое отличіе не можетъ вывести въ люди; между нимъ и офицеромъ лежитъ та же непреходимая грань, какъ между средневѣковымъ рыцаремъ и его вилланомъ. Понятно, какимъ образомъ изъ этихъ отношеній истекаетъ духъ англійскаго устава, его исключительное предпочтеніе развернутаго строя. Англійскій солдатъ, котораго всегда держатъ въ ежовыхъ рукавицахъ, хотя и одаренъ отъ природы энергическимъ характеромъ, но вслѣдствіе своего общественнаго положенія и военнаго воспитанія становится пассивнымъ до механичности; энергія его обращается исключительно въ устойчивость! Какой стремительности, необходимой для рвущейся впередъ колонны, ждать отъ этихъ людей? Они несамостоятельны, потому что складъ англійской общественной жизни не допускаетъ ихъ самостоятельности, а вслѣдствіе того могутъ дѣйствовать удовлетворительно лишь какъ неодушевленный механизмъ въ рукахъ офицера; для нихъ пригоднѣе всего тотъ строй, въ которомъ энергія ихъ можетъ выражаться пассивно и въ которомъ они всегда на глазахъ и въ волѣ своихъ офицеровъ. Отъ того же происходитъ, что англійское войско не умѣетъ жить на походѣ средствами страны, а обременено нескончаемыми обозами, требуетъ самыхъ мелочныхъ попеченій, какъ кадетскій лагерь: весь разумъ его въ начальствѣ. Со всѣмъ тѣмъ англійская армія — армія превосходная, она постоянно побѣждала лучшія войска, какія только могутъ быть — войска первой французской имперіи. Высшая развитость, нравственная и физическая, передовыхъ англійскихъ классовъ, составляющихъ ея душу; грубая твердость толпы, образующей ея тѣло; превосходное снаряженіе, дѣлаютъ изъ этой арміи военное орудіе, во многихъ отношеніяхъ одностороннее и слишкомъ тяжелое, но страшное. Малочисленность англійской арміи

не позволяет ей играть самостоятельную роль въ европейскихъ войнахъ; но для Англіи она совершенно достаточна. Морское могущество страны удесятеряетъ силу ея сухопутнаго войска, давая возможность угрожать имъ всякому прибрежному пункту непріятельскихъ владѣній и развлекать такимъ образомъ силы, часто огромныя, что мы достаточно испытали во время восточной войны. Для внутренней обороны противъ вторженія Англія имѣетъ милицію изъ зажиточныхъ, полноправныхъ классовъ, но черни ни подъ какимъ видомъ не даетъ оружія въ руки; въ этомъ отношеніи она такъ же вѣрна себѣ, какъ и въ остальномъ. Достаточно видно, до какой степени отчетливо англійская армія выражаетъ историческій складъ народа и географическое положеніе страны. Еслибы во время Карла II, когда учреждены были въ Англіи первыя постоянныя войска, существовалъ человѣкъ, одаренный нечеловѣческою способностью выводить изъ даннаго положенія всѣ его логическія послѣдствія, онъ съ точностью предсказалъ бы нынѣшнюю организацію англійской арміи; до такой степени военная система государства произвольна; до такой степени сила вещей представляетъ военному министерству только техническую работу—группировать элементы, какіе выдаются ему готовыми социальнымъ и политическимъ бытомъ народа.

То же самое и на материкѣ. Какъ ни различна французская военная организація отъ англійской, она также произвольна и такъ же мало зависима въ своихъ основаніяхъ отъ правительства, какъ и тамъ. Франція составляетъ сплошное, однородное тѣло, расположенное въ самомъ сердцѣ Европы, и по тому самому уже рѣдко можетъ избѣжать участія во всякомъ международномъ замѣшательствѣ. Несмотря на революцію, французы, въ своемъ частномъ быту, и теперь еще воспитываются въ тѣхъ же преданіяхъ войнолюбія и народной славы, развившихся въ давнія времена подъ вліяніемъ, господствовавшего дворянства, утратившаго давно всякій политическій характеръ и ставшаго чисто-военною кастой, европейскими кшатріями. Двадцатипятилѣтняя борьба на жизнь и смерть революціи и имперіи еще болѣе развила это расположеніе, превративъ всю націю въ военный станъ. Войнолюбіе французовъ понятно, по крайней мѣрѣ, исторически, тѣмъ болѣе, что оно поддерживается еще многими особенностями. Война бываетъ полна угрозами для самаго существованія большинства евро-